

Коллектив Авторы

Журнал "Вокруг Света"

№7, июль 1964

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 55
ББК 26.3
А22

А22 **Авторов К.**
Журнал "Вокруг Света": №7, июль 1964 / Коллектив Авторы – М.: Книга по Требованию, 2024. – 72 с.

ISBN 978-5-458-43344-0

Журнал "Вокруг Света" издается с 1861 года, и заслуженно считается лучшим научно-популярным изданием, о чем свидетельствуют многочисленные награды и читательская любовь. "Вокруг Света" позиционируется как журнал о путешествиях, научных открытиях, перспективах развития цивилизации, в общем о мире людей. Постоянными авторами журнала в разные годы были: Кир Булычев, В. Ерофеев, А. Беляев и многие другие. За время издания было выпущено 2860 номеров журналов (данные на май 2012 года). В номере:- Двести тонн полуденного солнца- Фернандо - По - Голубые километры- Океанографическая хроника- Путешествие к небесным горам

ISBN 978-5-458-43344-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Рисунки И. БРУНИ

В ТАЙГЕ

Повесть

сидеть за безобразия. А в Горном, в моем-то...

Бывший участковый помолчал, подталкивая на середину стола стакан крепчайшего чая. Потом он крепко обнял стакан пальцами и поднес его к губам.

— То есть в вашем, Семен Васильевич, теперь...

Окна были открыты, но дым в чайной плавал сизым непрозрачным слоем как раз на уровне лиц. Посетители кашляли и дымили еще усерднее.

Елистрат Евграфович вздохнул.

— Попробуйте поищите к ним подход. Вон Федька-кривой четвертый день гуляет. А вам завтра с ним идти. Перевернет спяна лодку — и прости-прощай. Одни синяки километрах в двух на косу выкинет.

И, будто услышав их разговор, перед столиком, за которым сидели бывший и новый участковый, возник Федор со стаканом водки в руке.

— Эх, Елистрат Евграфович, нет красного сукна в магазине! Я бы вам дорожку... А?

Елистрат Евграфович молчал багровея. И Семен понял, что прежний участковый предоставляет право ему, Семену, защищать честь мундира. Ведь ответственность-то за охрану общественного порядка ложилась теперь на нового участкового — на Семена.

Семен поднялся.

— Я попрошу вас, Федор, изви-

ните, по отчеству не знаю, ошвартоваться на свое место. Пожалуйста, не приставайте к гражданам.

— О! — усмехнулся Федор. — Пристаю? Я за здоровье... За отъезд... За пенсионера!

Семен взял Федора под локоть.

— Идемте, я провожу вас.

Федор с ухмылкой поглядел на Семена и, словно только что увидев его, закричал:

— За новое начальство! Оно под ручки водит!

На Семена смотрели выжидающе, но и Федора не поддерживали.

Когда Семен вернулся к столу, лицо его горело. Он взял стакан с чаем и увидел, что стакан дрожит.

— Вот он, во всей красе! — сказал Елистрат Евграфович. — Лучший соболятник! А ехать с ним завтра... не советую.

— Я поеду. Надо.

— Дело хозяйское. Только факт — шалит в тайге Федор. Браконьерничает. Это вам и наш охотовед подгвердит, Мария Ивановна. Женщина осторожная, умная, ученая, однако она никак не изловит его, кривошею-то.

— А вы что же не засекли?

— Видно, стар стал. Поэтому и с места уволили. Бывайте. Но помните про Неуловимку. Прозвище у Федора такое...

Семен закурил новую сигарету от прутика, который вытащил из коистра, и опять лег на спину, зало-

жив руки за голову. Время снова потекло неощутимо.

— Готово! — послышался голос Федора

Семен взял протянутый ему обломок палки — вертела с насаженным фазаном. Лоснящаяся жиром кожица была золотисто-розовой и усеяна коричневыми «веснушками». Семен отломил ножку, принялся смаковать нежное рассыпчатое мясо с чуть приметной горчинкой.

Тем временем Федор сходил к реке и повесил котелок над огнем.

— Шалешь от скуки... А?

Семен глянул на Федора. Тот и всегда-то поглядывал будто с насмешкой, а теперь его губы кривились в откровенной ухмылке.

— Чего вы хотите? — спросил Семен.

— А ты, участковый, всегда можешь ответить на этот вопрос?

— Да. Человек всегда знает, чего он хочет.

— Счастливый...

— А вы?

— Я поел и чаю хочу, — ответил Федор, прислушиваясь к потрескиванию сучьев. Сухие ветви горели споро, почти невидимым пламенем. Только над котелком завивался дымок, крутился мелкими вихрями и поднимался ровным столбом.

— Каждый чего-то хочет, — сказал Семен, взял из рюкзака мыло и пошел к реке. Спуск был пологим, вода на плесе глубокая и спокойная.

Семен увидел себя словно в зеркале: широкоскулое лицо, добродушное и курносое: ни суровости, ни пронзительности, которые Семен хотел бы увидеть хотя бы не для себя, а чтобы другие чувствовали.

— Эх, ты... — Взбаламутил воду рукой.

Семен подумал: «Неуловимка»... Прозвали же».

У костра он налил себе кружку чаю цвета смолы. Напиток вязал рот, а когда Семен выпил, то почувствовал легкий жар в глазах и свет дня вроде стал еще ослепительнее. В теле появилась приятная легкость — казалось, заставь его сейчас корчевать пни, он ухватится за самый кряжистый и, играя, вытащит.

Федор налил себе еще кружку и протянул котелок Семену.

— Вымой да воды принеси — костер залить.

Семен хотел встать медленно, показать, что ему неприятен небрежно-самоуверенный тон Федора, но неожиданно для себя вскочил и побежал к реке. Он с маху ударил котелком по воде, выдернул его полным и, вернувшись, плеснул в огонь.

Облако пара взлетело из костра. Запорхала копоть.

— Заливать так будешь, и десяти котелков не напасешься, — проворчал Федор, смахивая с лица жарь. — Под дых надо. Там жар.

— Есть! — ответил Семен.

Он осторожно опорожнил котелок под угли.

Огонь зашумел сердито, но тут же опал.

У берега их ждал бат: узкая и тонкая, выдолбленная из ствола целого тополя лодка.

— Подсоби, — сказал Федор и взялся за узкий нос.

Одним движением они столкнули тяжело груженный бат в реку. Семен, стараясь не потерять равновесия, шагнул в лодку и обрадовался — удалось войти, не размахивая руками и не приседая, чтобы не свалиться за борт.

Плюнув на ладони, он смело взял шест.

В лодку прыгнул Федор. Прыжок его был хорошо рассчитан и очень мягок. Бат даже не шелохнулся, только осел под тяжестью.

— Пошли.

* * *

Семен выполз из лодки на берег. Плечи и спина ныли нестерпимо, а ладони стертые в кровь. Семен опустил руки в воду. Холодная вода умерила боль, а потом тупая судорога свела мышцы до локтя.

Федор был по-прежнему точен и скуп в движениях, и совсем не чувствовалось, что он весь день махал шестом, гоня бат против течения. А теперь вытащил на берег лодку и, пока Семен маялся с руками, набрал сушняку, запалил огонь и повесил чайник.

— Дров нужно, — сказал он подошедшему Семену.

— Этих, что ли, не хватит?

— На ночь наверняка мало.

Ночевку Федор выбрал на крутом берегу, у распадка, откуда вытекал ручеек, едва приметный среди лип, корявых каменных берез с почти черными стволами и густых кустов. Выше по склону росли орешник и малина.

Солнце стояло низко, было медовым и освещало лишь верх склона. Внизу копились сумерки.

Чтобы набрать сушняку, пришлось спуститься в распадок. Из малиника торчали сухостоины. Решив, что одного дерева на ночь вполне хватит, Семен стал продираться к ближайшему, чтобы свалить его. Комель дерева был в тени, а ствол и голые ветви еще освещались солнцем.

Вдруг на стволе Семен увидел медвежонка.

Оторопел: «Подарочек...»

Медвежонок пялил на него глазенки, будто решая: лезть выше или тут уже безопасно.

Медведица, черная, возникла сразу, словно давно стояла под деревом. Она была нема и неподвижна, как изваяние.

Семен попятился.

Медведица поднялась на задние лапы и сразу выросла вдвое.

Густо зарычала, двинулась на Семена.

Семен выхватил пистолет. Выстрелил.

Медведица шла, мотая головой. Семен выстрелил снова. Медведица взревела. Двинулась быстрее, будто выстрелы были ударами бича, подгонявшими ее. И тогда Семен стал палить, уже не целясь.

Медведица словно повисла над ним, разбрызгивая кровавую пену. Зажмурившись, Семен ожидал: вот-вот зверь подомнет его.

Позади грянул выстрел. Огнем ожгло голову Семена выше уха.

«Все...» — решил Семен, выронил оружие, прикрыл руками голову, согнулся, что-то тяжелое ударило его в плечо, он повалился, и мохнатая туша вдавливала его в траву, в землю. Что-то горячее, липкое текло ему на лицо.

«Жив я, что ли?» — отрешенно подумал Семен. Попробовал шевельнуть плечами — не смог, только ноги оставались свободными. «Жив, выходит...» — и он попытался выбраться, но не хватало сил. Он вдыхал запах прели и тяжелый дух зверя и крови.

Притиснутый лицом к земле, Семен скорее почувствовал, чем услышал шаги.

«Федор...» — понял Семен. — Он тоже стрелял в медведицу. Я слышал его выстрел, а потом она меня лапшей саданула».

Семен снова пошевелил ногами. Почувствовал, что Федор помогает ему выбраться, отвалив с него ту-

шу. Наконец Семен сел. И тогда понял — жив, невредим даже. Хотел отползти, но, обессиленный, он ухнул куда-то в темноту.

Он словно продолжал куда-то ползти, а его кто-то останавливал, ворочал, отгаскивал, и он в бреду видел перед собой оскаленную пасть медведицы. Она тоже ворочала его и касалась когтями ладоней. Семен снова полз куда-то, а временами думал: «Может ли это быть?» Тогда он начинал понимать, что спит или бредит, но очнуться сил не хватало. И снова появлялась оскаленная пасть медведицы, медвежонок подмигивал со ствола, а он мучился от боли в ладонях и полз куда-то.

Кошмар оборвался. Разлепив ресницы, Семен увидел красные, мерцающие угли. За костром стояла стена тьмы.

«Ночь...» — подумал Семен, — совсем ночь. Значит, я спал. Пить... Хоть глоток...»

Семен увидел кружку, протянул к ней руку и окончательно пришел в себя. Ладони и кисти перемотаны тряпичами. Он сел. С плеча свалился ватник, Семен почувствовал, что раздет до пояса, поежился: «Ничего не понимаю».

Боясь разбудить боль, он осторожно протянул обе руки, взял кружку, выпил залпом. Прерывисто вздохнул.

Обломились прогоревшие сучья костра. Заметались в дыму искры. Погасли.

Семен заставил себя посмотреть влево. Он слышал ровное дыхание, обернулся. Федор спал на боку, подложив руки под щеку.

Семен натянул ватник на плечи. Знобило. Саднило над ухом.

«Крепко это меня, — подумал Семен и потрогал голову, ощупал ссадину, прямую, будто кто ударил его. — Так кто же убил медведицу? Я или Федор? Я стрелял... А она шла. Потом выстрел из карабина. Она на меня повалилась. Выходит, Федор. А может, он добил только...»

Редкий первый свет тронул край неба, отразился в реке. Тьма вокруг костра сгустилась. Она ощущалась как осадок ночи.

Похолодало.

— Очнулся? — сказал Федор.

Неожиданно для себя Семен спросил:

— Медвежонок где?

— В тайге.

— Пропадет.

— Пестун-то? — удивился Федор. — Не пропадет. За него вы, товарищ участковый уполномоченный, не беспокойтесь.

— Мне за себя беспокоиться надо...

— Это дело ваше.

— Что это ты, Федор, все загадками говоришь?

— У всякого зверя свои повадки.
— Я не пацан.
Федор усмехнулся.
— Вестимо, власть. А за царапину не обижайтесь. Руки дрожали... с похмелья. Вот и задел.

Семен только слюну сглотнул.
— «Пушку»-то я вашу подобрал. Одежонку от крови отмыл. Сушит-ся, — говорил Федор, не открывая глаз, как сквозь сон, будто ему совсем не хотелось вступать в разговор.

Прищурившись, Семен старательно разглядывал лицо охотника. Оно было спокойно, почти безмятежно.

— Зачем же пить, если знаешь, что руки дрожат.

— Перед уходом кто-то не пьет. Не мой обычай. А в тайге и нюхать опасно. Такие вещи понимать надо. Благодарствую, что не прицепились тогда, в чайной.

— Я думал, ты поймешь... — начал Семен. Хотелось ему сказать, что не такой он человек, чтобы шум не из-за чего поднимать. Но только рукой махнул. — А обычай дикий... — он потрогал ссадину.

Однако недосказанное участковым Федор понял по-своему:

— Добро, если с оговоркой сделано, может быть хуже зла. Ладно. Двигать дальше надо.

— Я не смогу работать шестом.

Федор промолчал, будто не слышал. Когда собрались, сказал:

— Справочку-то мне напиши. Это-то сможешь. Как и при каких обстоятельствах убита медведица. Мне-то могут и не поверить. А охота в это время на них запрещена.

«Ишь, ты... Хитер, — подумал Семен. — Ох, хитер! К черту, пусть руки отвалятся, а толкать бат я стану!»

«ЛОСИХА»

Тряпицы, которыми были обернуты ладони, пропитались кровью и накрепко прилипли к шесту. А под ними Семен ощущал неприятную теплоту свежих ран, но боли не чувствовал: «Прав кривошей, притерпелся».

Бат пошел по кривуну, солнце, отраженное рябью реки, слепило.

— Вон усадьба лесничего, — кивнул Федор. — Добрался, значит, ты.

На крутом берегу стоял дом в пять окон, добротный, под тесовой крышей. На скате, обращенном в сторону реки, в потемневший тес был врезан треугольник хорошо остроганных, желтых досок — знак для самолетов лесной авиации.

— Встанем на дневку, — сказал Семен.

— Я туда не ходок.

Федор направил бат к берегу, где под кустами виднелся дощатый причал. Но лодки около него не было.

— Твое счастье, участковый, хозяина дома нет.

— Жаль. А почему «счастье»?

— Говорят, Лосиха — баба добрая.

— Какая Лосиха?

— Лесничиха.

«Экий ты, — подумал Семен, —

про всех-то ты всякую всячину знаешь. И рассказывать любишь».

Федор выкинул на настил котомку участкового, ружье, а затем стал швырять куски освежеванного медведя.

— Оставь себе, — великодушно заметил Семен.

Ощерившись, Федор глянул на участкового с интересом.

— Нам чужого не надо, дай бог, краденым проживем. Твоя доля. Вместе охотились.

— Осторожничайся?

— А как же? — И Федор сильно оттолкнулся шестом.

Лодка стремительно, но без всплеска вышла на середину реки, развернулась на стрежне и сначала лениво, а потом все быстрее и быстрее, подгоняемая ритмичными толчками, двинулась вверх, против течения.

«Красиво, что адмиральский капитан!» — подумал Семен.

Потом посмотрел на крутояр, куда вела извилистая тропинка, и увидел женщину в пестрой кофте и темной юбке. Голова ее была повязана белым платком. Она стояла, твердо упиравшись ногами в землю.

Хозяйка была крупная, ростом почти с него, широкая в кости и полноватая для своих лет. Семен прикинул, что ей примерно тридцать.

— Милости просим, — голос лесничихи был глубокий, грудной. — С руками-то у вас что?

Семен постарался ответить небрежно:

— Шестом натер, с непривычки.

— С Федором добирались. Уж это озорник известный. Все от него стонут. В дом заходите. Самого-то нет. В тайге. И днюет и ночует в тайге.

— Не беспокойтесь... — начал было Семен.

— Дарьей Митрофановной меня зовут, — сказала она. — Да зовите запросто — Дашей. Чего церемониться.

— Вы не беспокойтесь, Дарья Митрофановна.

— Да чего уж там. За одним добром смотрим.

— Мы ненароком зверя подстрелили. Мясо там на причале.

— Да вы не волнуйтесь, — бойко сказала лесничиха. — Чего вам-то... Это наше дело — женское.

Семен устало подумал, что действительно услуга пустяковая — здоровому человеку на десять минут работы. Войдя в горницу, выскобленную до воскового цвета, он сел на лавку, стацил сапоги.

Он сидел, привалившись к стене, и разглядывал комнату: пестрые половики, щепетильно белые салфетки и салфеточки на столе, комод, тумбочка, стенах; во всем убранстве было что-то от тщеславной женской суеты, немного смешной, а больше грустной. Почему грустной — Семен не смог бы ответить, но грусть присутствовала в доме. И не как гостья...

Вошла Дарья. Она раскраснелась.

— Чтой-то вы медведя убили? Да еще при Федоре.

— На меня медведица пошла.

Семен заметил недоверчивый взгляд хозяйки, но ему сейчас было все равно — верят ему или не верят.

— Мне бы поспать, — сказал он.

— Какой же сон на пустой-то желудок? Поешьте, рюмочку с устатку выпейте. А потом и выспитесь.

На столе появилась фаянсовая бутылка — пингвин в синем фраке, стопка.

Спирт ожег глотку. Во рту остался приторный привкус крови, который не смогли отбить ни острота квашеной капусты, ни упругая пряность грибов, ни душистые наваристые щи. Когда он принимался за первое, по телу прошел легкий приятный озноб. В комнате будто посветлело, а лицо лесничихи, круглое, румяное, со светлыми карими глазами, вдруг показалось интересным. Усталость отхлынула от груди и оставалась только в руках и в ногах, но и там быстро таяла, словно ледок на весеннем солнце.

Лесничиха принесла жирную кабанину с тушеной картошкой, остро пахнущую какими-то приправами. Семен протянул руку к «пингвину».

— Впервой в тайге?

— Догадались вы! — сказал Семен.

— Бодро пьете.

— А что?

— Да мне не жалко...

После обеда Семен залез на теплую печь, уснул быстро и спал без снов.

Внезапно открыл глаза, он почувствовал себя до удивления отдохнувшим. Отдохнувшим до такого радостного состояния, до такой бодрой невесомости, что сейчас для него не составляло труда снова войти в бат и гнать упирающуюся лодку вверх по течению.

С неожиданной легкостью Семен соскочил с печи, усталости на Дарью, сидевшую у стола с шитьем в руках: «Красивая лесничиха-то!»

Он поймал себя на том, что следит за ней.

Они пили чай из самовара, старого, но начищенного до зеркального блеска. Над краном виднелись слабые отпечатки медалей с чьими-то профилями. Тянулось чаепитие долго и проходило в молчании, потому что Семен не мог сосредоточиться на разговоре, занятый пухлыми губами лесничихи, тянувшимися к блюдечку, полными руками, оголенными по локоть.

— Почему же вас прозвали Лосихой? — спросил Семен.

— А ты, участковый, у людей пятай.

— Я у вас спрашиваю.

— Скажу. Мой отец лосиху с лосенком убил. По сговору, с ведома лесничего. А когда убил, лесничий отперся: я не я — и лошадь не моя.

— Сто шестьдесят шестая статья — срок до года.

— Законник... Думаешь, мой отец молчал? Он пристрелить его хотел, да только ранил. В ногу.

— Да...
Лесничиха передразнила Семена:
— Да-а-а...
Участковый повернулся к Дарье.
— А дальше?
— Случись такое — и любая стала бы Лосихой...
— А отец ваш?
— С круга сошел. Спился.

Семен достал из кармана кителя сигареты, закурил.

Лесничиха поставила на стол чашку, сбросила с плеча полотенце, которым вытирала посуду, круто повернулась и направилась в смежную комнату.

Семен прошел к окну, раскрыл створки.

«Настойка-то на пантах, — сообщил он запоздало. — Больше рюмки не следовало».

Над ближней излучиной реки стелился пологий туман. Еще не растаяли в темноте очертания сопков. Пахло смолой и свежестью трав в росе. Где-то поблизости зашлась лешачьим смехом сова.

«Вот тут и разберись, — подумал Семен, — и сумей себя правильно повести...»

* * *

После демобилизации Семен захотел остаться на Дальнем Востоке, там, где служил на пограничном катере. Он стал подыскивать работу. Зашел в горком комсомола посоветоваться. Семьи у него не было, и он мог ехать куда угодно, лишь бы дело нашлось по душе.

Семен сказал:

— Я относительно трудоустройства...

— Да ты проходи, садись, — ответил, поднимаясь, раскрасневшийся от смеха парень, одетый с той безукоризненностью, в которой даже придирчивый взгляд флотского не мог обнаружить ни единой небрежности. Это сразу понравилось Семену.

Но сесть было некуда. Кто-то уступил стул, Семен стал отказываться. В конце концов все, кто находился в комнате, снова рассмеялись над вежливой сумятицей. Семена усадили почти силком. Он, настроенный на официальный прием, растаял, что называется, и почувствовал себя свободно, словно среди своих в кубрике.

Парни в комнате еще поговорили минуты две о своих делах, непонятных Семену, упоминая то и дело фамилию какого-то Пышкина, которая неизменно вызывала веселье.

— Давай знакомиться, — сказал инструктор, все еще продолжая улыбаться.

Они протянули друг другу руки, и оба одновременно произнесли: «Семен».

Это обрадовало их и сблизило. Разговор пошел непринужденно.

— Что ж, — инструктор хлопнул по столу ладонями, — давай выбирать.

Он начал перечислять стройки.

— Послушай, дружище! — вдруг воскликнул он. — Для тебя есть и другое дело. Важное!

— А что за работа?

— В милиции.

Семен вздохнул:

— Да ведь я уже на гражданский лад настроился.

— Подожди! — заулыбался инструктор. — Это наверняка не то, что ты думаешь.

Он стал рассказывать о работе участкового уполномоченного в тайге. Быть им — значит жить в тайге среди охотников и охотиться самому сколько хочешь, а места-то какие!

— Ну как, сагитировал? — спросил инструктор.

Семен ответил не задумываясь:

— Согласен.

— Погоди! Погоди. Какой горячий! Это, так сказать, антураж. О существе работы тебе расскажет начальник службы управления охраны общественного порядка.

Так решилась судьба Семена.

Сначала ему предложили ознакомиться с работой участкового уполномоченного в городе, несколько раз он ездил с начальником отдела в районы края, чтобы приглядеться к делу на месте.

Возвращаясь из последней поездки, Иван Петрович Шухов — начальник отдела службы — заговорил с Семеном о назначении.

— Глубинки не боишься?

— Я, Иван Петрович, мечтал вырваться в глубинку.

— Мечты разные бывают.

— Разве я на Манилова похож, Иван Петрович?

— Я не про тебя, а про мечты... В Горном месте освобождается. Был там двадцать лет участковым Семин Елистрат Евграфович. Считался когда-то одним из лучших. «Хозяин!» Так про него говорили. Любил покричать и постучать кулаком по столу. Но с народом не сжился. Стыдили мы его, пробирали на собраниях, совещаниях.

Шухов помолчал.

— Не боитесь, Семен Васильевич, такой участок взять?

— Приказ есть приказ.

— Ну, если так, то плохо. Не хотелось бы дело до приказа доводить, хотелось, чтоб с охотой люди шли.

— Ясно...

— Опять «ясно». Так как же насчет глубинки? Ведь спрашивать будем строго! Согласен?

— Согласен.

— Тогда будем советовать с начальником о назначении.

...Семен просидел до зари, предаваясь невеселым думам: тот ли он человек, не ошибся ли начальник отдела службы краевого управления охраны общественного порядка капитан Шухов, когда согласился назначить его в глубинку.

* * *

— Оюшки! — Лесничиха появилась в дверях. — Никак не спали?

— Нет, — вздохнул Семен и подумал: вот ей все должно быть ясно.

— О зазнобушке мечтал?

Лесничиха прошла на кухню и там быстро, ловко и бесшумно возилась у печки: только слышался мягкий, ежиковый постук ее босых пяток.

«Видать, хозяйка, — подумал Семен. — А вот что за человек — это еще вопрос».

— Недоспали, так доешьте.

Посмотрел Семен, как Лосиха ласково расставляет тарелки со снедью, ощутил голод и пересел к столу.

Дарья принесла самовар и отправилась было обратно на кухню, но Семен остановил ее.

— А вы?

— Мне не к спеху.

— Без хозяйки и еда не еда.

Дарья улыбнулась, даже уши ее порозовели от удовольствия.

— Под замах! — подседа. — Может, вы и шеп...

— Не привык... Еще не привык.

— Пообвыкнете. Что это у вас с головой-то?

— Да Федор стрелял...

— Федор? — испугалась вдруг лесничиха, но это был испуг не за Семена, а за Федора. — Стрелял?

— Федор.

Лесничиха побледнела:

— Быть не может... Федор...

— Да он случайно. На меня медведица пошла, а он как раз стоял сзади. Отличный выстрел!

Дарья ладонями поправила волосы на висках, будто они могли спутаться от испуга, и вдруг, словно опаматовавшись, что собеседник подсмотрит ее чувства, сказала:

— Посадить бы его надо... И всем легче станет.

Семен потерпелся:

— Посадить?!

— У-гу.

— За что?

— А вот вы пойдете к деду Прокопу, там сейчас и муж мой Егор Аполлинарьевич и охотовед Мария Ивановна. Они вам все и обскажут. За браконьерство и посадить. Вам и... м... Марин Ивановне... Всем... легче будет... Думаете, он вам крови не попортит?

— Дарья Митрофановна, а подробнее вы ничего не можете сказать? — спросил Семен.

— Не мое это дело, Семен Васильевич. Не мое. Мое дело печку топить, гостей потчевать. А то не мое.

— За что ж вы так не любите Федора, Дарья Митрофановна?

— Может, и себя не люблю, Семен Васильевич.

«И то верно, — подумал участковый. — Откровенно... Прямее и не скажешь».

Потом Семен спросил дорогу к деду Прокопу, где, по ее словам, были сейчас ее муж Егор Аполлинарьевич и охотовед Мария Ивановна.

Семен отправился к заимке деда Прокопа.

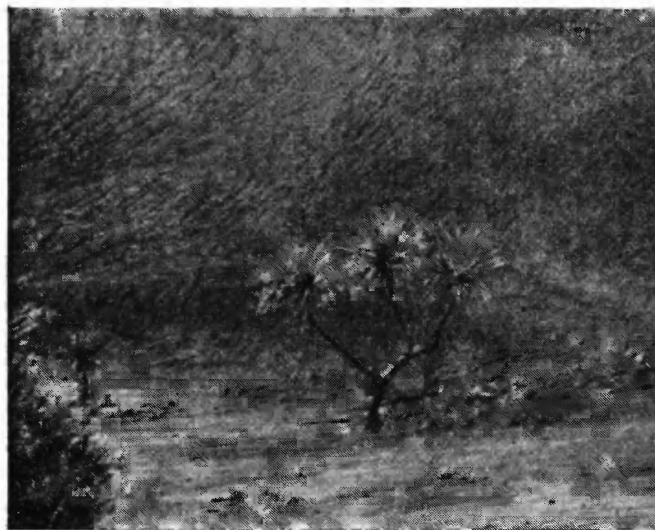
(Продолжение следует)

**ДВЕСТИ
ТОНН**

ПОЛУДЕННОГО СОЛНЦА

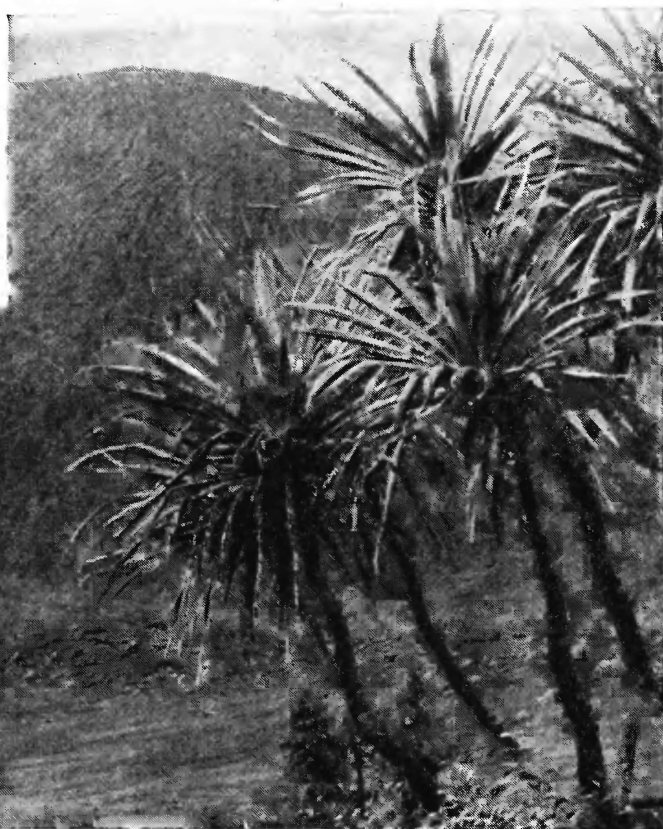
МАРК БЕЛЕНЬКИЙ

Когда 14 августа 1774 года капитан Кук увидел перед собой остров Танна, ему показалось, что он ошибся полушарием, — до того круто обрубленный, необычный для этих мест берег напоминал коричневые обрывы Гебридских островов у северо-запада Шотландии. И архипелаг был окрещен Новыми Гебридами.

Впрочем, капитан Кук был далеко не первым европейцем, обнаружившим архипелаг, «замыкающий» Коралловое море. Еще за сто семьдесят лет до Кука испанец Педро Фернандес Кирос увидел в этих широтах сушу. Он решил, что это и есть таинственный материк «Австралия» (Южная Земля), о котором рассказывали капитаны, отважившиеся огибать Индию и забираться так далеко на юг. И Кирос назвал землю Австралией Святого духа. Как выяснил через полтора столетия француз де Бугенвиль, это был не материк, а самый северный в цепи из тридцати семи островов архипелага. Но испанское название Эспириту-Санто — остров Святого духа — осталось за ним.

Лежащие на скрещении важнейших морских путей, на границе двух океанов, Новые Гебриды в течение всего XIX века были предметом ожесточеннейшей грызни между Францией и Англией. К островам подходили корабли под самыми разными флагами, на берег вы-

Похоже, что острова в Южных морях — так называли во времена великих географических открытий Океанию — природа создавала по единому «типовому проекту»; каждый остров обнесен частокоралловых рифов, за которыми расстилается, вся в блесках солнечной чешуи, по-озерному спокойная вода лагуны, переходящая незаметно в пологий берег. Так выглядят Фиджи, Тонга, Туамоту, Маркизы и еще множество групп островов Великого океана. Но природа не без «капризов». И один из них — Новые Гебриды.

саживалась команда узаконенных пиратов, набранная в Марселе или Ливерпуле, и под защитой пушек своих брига или фрегатов немедленно приступала к «защите» интересов местного населения и метрополии — так повелось у западных дипломатов еще с тех пор величать разбой и насилие. «Защита» шла столь интенсивно, что вскоре на побережье не осталось коренных жителей: те, что избежали участи рабов на плантациях Нового Света и соседних, более богатых островов, скрылись в горных джунглях.

«В Меланезии, — писал Н. Н. Миклухо-Маклай, — вы-

воз туземцев обезлюдил значительно острова Ново-Гибридские и Соломоновы и распространил в них заразные болезни».

Новые Гибриды долго оставались яблоком раздора. Лишь в 1906 году, опасаясь, как бы острова не попали под власть третьего, рвавшегося к дележу претендента — Германии, «высокие договаривающиеся» хищники Франция и Великобритания установили для Новых Гибридов статут кондоминиума — совместного владения.

Прошло более полувека.

Внешне далекий архипелаг остался прежним. Те же заливы, рифы, джунгли — «непременный ассортимент» для страждущих экзотики. Традиции и образ жизни племен, как и на протяжении тысячелетий, также не подверглись изменениям — экзотика здесь находится под охраной европейцев и только для европейцев. Ну, а что же принесли «совладельцы» — участники кондоминиума — своим подопечным за эти полвека? Ведь в самом увековечивании такой «экзотики» — обвинение «цивилизаторам», искусственно сохранившим ее и затормозившим историческое развитие острова.

АМОК ПРАЗДНУЕТ НАМЕНГИ

В центре Амока, крохотной деревушки, вкрапленной в неприступную зелень плато Биг-Намба в глубине острова Малекула, гулко звучит большой тамтам; барабаны поменьше и погремушки рассыпают звонкую дробь. Тесным кругом стоят празднично одетые и украшенные жители племени намбов, а в центре самозабвенно пляшут двое — этнограф француз Фредерик Дрилон со своей женой. Их товарищ по экспедиции профессор Жиль Артур мастерски управляет с тамтамом или, надув щеки, успешно имитирует саксофон. Белая пара танцует ча-ча-ча, твист и прочие новомодные танцы — все, что они могут продемонстрировать в качестве «национальных» танцев в ответ на ритуальные танцы намбов. Этнографы — первые белые, за много лет попавшие в Амок.

От селения Танмару на побережье до Амока не более сорока километров. Но лишь на третий день пути над крышей набухшего леса (сейчас — период муссонов) возникают дымки жилья, а на тропинке словно вырастают атлетически сложенные воины с ружьями. Молодой вождь — кали, убедившись в добрых намерениях прибывших, приглашает их в Амок. Он гостеприимно предоставляет им намель — большую хижину из плотно пригнанных стволов, крытых листьями. Она будет служить жильем, фотолабораторией и студией звукозаписи. Дрилон и Артур приехали к началу Наменги — самого крупного праздника намбов. Наменги устраивается в июне, в конце сельскохозяйственного цикла, раз в пять лет. Праздник связан с повышением в звании молодого вождя или кого-либо из его родичей.

У намбов существует несколько званий, тщательно соблюдаемых; принадлежность к каждому из них дает определенные права. Для мужчин существуют два высших звания — «велвел» и «мелаул»; причем они даются не только членам семьи вождя, но и самым отважным и искусным воинам. Что касается сыновей вождя, то они получают звание «велвел» по наследству. Это, однако же, не избавляет их от сурового воспитания и закалки: вождь должен быть самым сильным и смелым.

Намбы подразделяются еще и на большие семейные группы, «специализирующиеся» в каком-либо определенном занятии. Например, одна большая семья — мастера по возведению хижин и тотемов, строители и скульпторы; другая — музыканты; третья — мастера по плетению корзин; есть даже группа париев, поставлявшая жертвы. Когда назревала война, вождь посылал человека из этой семьи во враждебное племя. Его либо убивали в знак того, что жажда мести удовлетворена, либо отсылали обратно — это означало, что войны не избежать.

Девочка из Амока.

Холостые мужчины каждой из этих групп живут в большой общей хижине. Воин имеет право иметь одну жену — правда, это правило не распространяется на вождя.

В будни намбы разных званий не отличаются друг от друга одеждой и украшениями. Но по случаю праздника Наменги они украшают себя перьями, раскрашивают тела краской, приготовленной из коры дерева и смешанной с маслом какао. Праздник посвящен возведению сына вождя в звание «мелаул».

Под призывное содрогание барабанов женщины садятся в круг. Они щелкают в ритм пальцами, раскачиваются, улыбаются. Мужчины «гримируются» тут же на площадке. Первый танец — танец с ружьями. Ружья — единственное напоминание, что все происходит в нашем веке. Кстати, чего-чего, а оружия «свладельцы» архипелага не жалеют: «Пусть дикари воюют друг с другом...» Мужчины выстраиваются в две шеренги, женщины подходят к ним и легонько касаются ладонью плеча. После этого напутствия шеренги, ритмично раскачиваясь, сближаются,

охотники вскидывают ружья — и воздух раскалывает залп. И снова танцоры, крадучись, начинают «выслеживать дичь».

А в это время в углу площадки открывается нечто вроде «сельскохозяйственной выставки»: туда приносят ямс, гигантские бананы, лучшие кокосы, самых упитанных поросят. Как только кончается танец охотников, вождь — весь в великолепии праздничного наряда — дает сигнал. Экспонаты «выставки» подаются «на стол». Женщины извлекают из-под горячих камней куски мяса с кореньями, завернутые в листья.

Тропическое лето в разгаре. С высоты неба на Амок обрушиваются все двести тонн полуденного солнца, но ритм Наменги все нарастает.

Среди намбов вряд ли найдется кто-нибудь, кто не умел бы петь, танцевать, а ведь песни эти никто не записывает. Столетиями передаются они из поколения в поколение, так же как ритуальные движения. Гармония ярких красок — их никогда не смешивают — поражает своей законченностью. Тотемы над крышами хижин, призванные охранять дом от дурного глаза, покоятся на ажурных, тонко выполненных подставках. Тотемы тоже убраны перьями — сегодня Наменги.

Вот и главный «номер» праздника — Танец человека-птицы. Из зарослей появляется нибель — человек-птица. Тело его покрыто белой краской, синими и красными полосами, на голове набор перьев. Он — олицетворе-

ние всех злых сил. Он пронзительно кричит, машет руками, тянется скрюченными пальцами-когтями к танцующим. Тревожно стучит маленький барабанчик — высушенный кокосовый орех. Смолкает пение. Нибель разбивает цепь танцующих, кружится быстрее, быстрее и, наконец, прыгает в сторону сидящих женщин. Но мужчины стеной становятся на его пути. Снова звучит песня, и злой дух, уstraшенный решимостью защитников, отступает и скрывается в джунглях. Добро победило!..

ИМЯ БОГА — ДЖОН ФРУМ

Югу от Малекула, в центре архипелага, лежит остров Эфате. Здесь находится столица кондоминиума Порт-Вила. В одноэтажных домиках — резиденции обоих верховных комиссаров. На берегу несколько больших зданий — склады оптовых торговцев, скупающих у местных колонистов копру, кокосы, какао и хлопок. Это самый обжитой и «цивилизованный» остров: на нем не осталось коренных жителей, их место заняли выходцы с полуострова Индокитай. Южные же острова — Танна и Аннейтум — почти не исследованы.

Итак, остров Танна. Восемь тысяч жителей разбросаны по двумстам пятидесяти селениям. Говорят они на восьми разных языках. Над островом выгибает горб небольшой, прямо-таки комнатный, вулканчик Яхве. Он выпускает в доказательство того, что он настоящий, пушистый султан дыма, долго не рассасывающийся во влажном воздухе». Так начинается рассказ о Новых Гебридах французский исследователь Бернар Вилларе.

До острова Вилларе удалось добраться на моторке пастора-адвентиста. Это один из многочисленных конкурирующих миссионеров-проповедников, нахлынувших на острова архипелага. Местные племена после каждого нового крещения упорно возвращались к идолопоклонничеству, освященному вековыми традициями. Ну, как им было поверить в белого Христа — чужого бога и чужого спасителя, если сам белый колонизатор сумел принести им лишь рабство, скверный ром и болезни?! Кто знает, не получил ли белый цвет нибеля — злого духа — новое осмысление после начала колонизации? В последние десятилетия христианские миссионеры и проповедники многочисленных сект, отпочковавшихся от христианства, развили на островах бурную деятельность. Однако, как признавался Вилларе пастор, «плоды наших трудов пока не соответствуют нашему энтузиазму».

Здесь, на острове Танна, родилась новая, необычная религия под названием «Джон Фрум».

...Несколько женщин в юбках из травы в молчании стоят возле массивного деревянного креста, выкрашенного в красный цвет. Селение Бисер расположено на западной стороне острова и прилегает к маленькому озерцу с прозрачной зеленой водой. Неправдоподобно огромные листья, гладкие стволы и это озеро с лежащими в нем облаками напоминают тревожные экзотические картины Руссо. Подходящее место для рождения нового «бога».

Джон Фрум упомянут впервые в докладе английского резидента в 1941 году. Он сообщал, что некое сверхъестественное существо якобы появляется на опушке леса и «проричает» жителям. Имя его Джон Фрум. Он же велит им вновь пить кава — напиток из корней, содержащих тонизирующие вещества, — запрещенный миссионерами. Вскоре местные проричатели объявили народу, что Джон Фрум избрал Танна местом для земного рая: гористый остров станет ровной плодородной долиной, деньги белых потеряют свою магическую силу, никто не будет болеть болезнями белых, и все вновь обретут молодость и бессмертие, как бывало прежде.

Существует легенда о том, что раньше таннаиты не умирали. А когда начинали стареть, приходили к колдуну, тот читал заклинание, и они вновь становились молодыми. Но однажды старый колдун сам прочел заклинание и помолодел. Его маленький внук, увидев незнакомого юношу, испугался и заплакал.

— Где мой дедушка?

— Я твой дедушка, — успокаивал его колдун.

Но ребенок горько плакал, и колдуну пришлось — он очень любил своего внука — вновь сделаться дедушкой. Так он и умер, унеся с собой тайну заклинания, чтобы другие из эгоизма не вздумали воспользоваться им в ущерб своим детям и внукам.

...После пророчества о Джоне Фруме на острове начались престранные события: жители явились в лавки береговых поселков и отдали торговцам золотые монеты, хранившиеся у них дотоле как реликвии, — ведь Джон Фрум сказал, что они потеряют свою силу.

Во время войны на острове Эспириту-Санто обосновались американцы. Сотни мужчин с Танна, мобилизованные на работы, побывали на Санто. После этого программа движения «Джон Фрум» несколько изменилась. Проповедники объявили, что в «земном раю» Джона Фрума у всех таннаитов будут холодильники, консервы и «джипы». Колониальные власти усмотрели в этих пророчествах посягательство на свои права, попытку со стороны аборигенов чувствовать себя равными «копекунам». Они арестовали всех прорицателей и проповедников и посадили их в тюрьму.

Это не остановило движение «Джон Фрум». В стражайшей тайне таннаиты выстроили в джунглях посадочную площадку: Джон Фрум объявил, что вскоре явится с неба на самолете. Позднее он уточнил, что избрал другой путь: он прибудет на подводной лодке, как у американцев. И вот днем и ночью дежурили на морском берегу терпеливые часовые, поджидая прихода «спасителя».

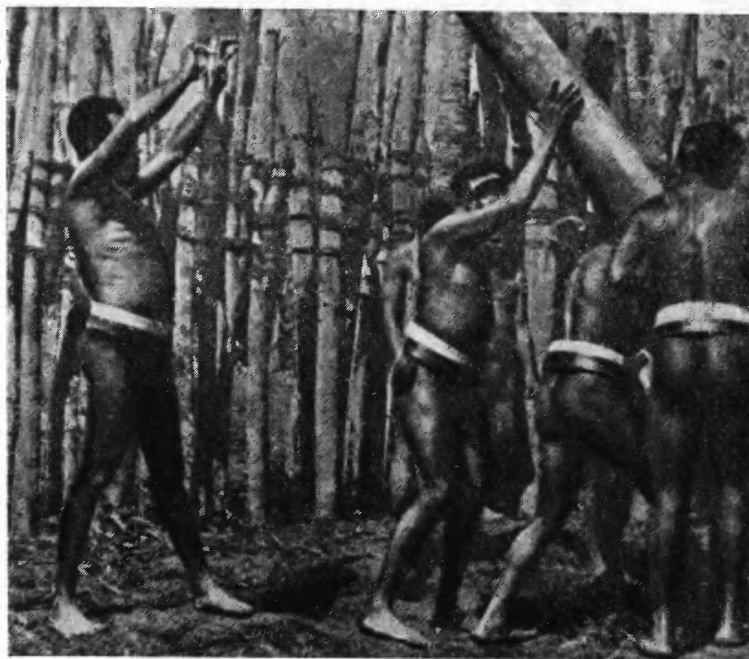
В конце концов властям ничего не оставалось, как признать новую религию. По всему острову выросли красные деревянные кресты — таким образом Джон Фрум отмечал место, где будут выстроены школы, когда наступит рай.

Так постепенно менялся характер этой религии. Возникшая как противодействие насильственной «цивилизации» и под ее влиянием, направленная вначале против христианских миссионеров, она превратилась постепенно в движение за материальные блага культуры, в которых колонизаторы отказывают коренным жителям. В октябре 1943 года в северной части острова под предводительством Нелониага, именовавшего себя «Джон Фрум», «король Америки и Танны», началось вооруженное восстание, подавленное с помощью американцев. Но движение продолжается и поныне. Никогда не существовавший Джон Фрум собирается сделать то, что обещают, но не делают «цивилизаторы».

Вилларе удалось побеседовать с одним из проповедников нового культа, который десять лет просидел в английской тюрьме.

— Вам не понять, во что мы верим, — качая белой

Место отмечено крестом «Джона Фрума».

Эти люди принадлежат к «клану» строителей. Они строят хижины и возводят тотемы.

головой, сказал старый таннаит, — для этого надо жить здесь...

Вилларе описывает и свое восхождение к кратеру вулкана Яхве, о котором рассказал в своих заметках еще капитан Кук. С северной стороны можно заглянуть в кратер, в глубине которого пузырится лава. Туземцы в свое время не подпустили к кратеру капитана Кука: опасались, что он высвободит демона, обитавшего в глубине земли. Зато знаменитому вулканологу Гаруну Тазиеву, несколько лет назад исследовавшему Яхве, они помогали всячески: были уверены, что он собирается связать дьявола Аяро-папанги электрическими проводами своих измерительных приборов. Правда, Джон Фрум обещал снести вулкан с острова, но, кто знает, бог еще ничего не выполнил из своих обещаний.

* * *

Последний луч солнца, словно прожектор маяка, рассекает бухту и исчезает где-то за чертой горизонта. Минуту еще брызжет вверх солнечный ключ, потом иссякает и он. Зажигаются огни в поселке — в домах белых, разумеется. Освещены и флаги над двумя резиденциями. «Интересы граждан Французской республики защищает французский комиссар, интересы подданных Ее Величества — английский комиссар», — говорится в уставе кондоминиума. Вместе (и тех и других) на Новых Гебридах около полутора тысяч человек. Об интересах 50 тысяч коренных жителей островов в уставе не упомянуто. О них «заботится» разве что Джон Фрум. Да и то не на земле...

— У нас более десяти тысяч гектаров отличнейшей земли, — потягивая чай, говорит Бернару Вилларе администратор-француз. — Мы могли бы отдать ее кому угодно по бросовым ценам, но...

— Некуда переселить жителей?

— Что вы, я не о том. Просто потребуются большие вложения на расчистку, иначе земля тут же зарастет лесом. А огонь его не берет: мокрые джунгли, слишком сочная зелень.

Сочная зелень и на мастерски выполненных рекламных проспектах, где дружно держатся за руки улыбающиеся француз и англичанин, снисходительно глядя на щедро раскрашенного художником туземца. Но жизнь мало походит на рекламный проспект...

Спят острова. Спят, чтобы завтра вновь вернуться в эту нелегкую жизнь.

Но будет и утро. И поднимется солнце. И разгонит тени...

КОНЕЦ модной ПЕСЕНКИ

(Из индонезийского блокнота)

А. ВИНОГРАДОВ,
наш спец. корр.

Рисунки Н. КРАПИВИНА

Анри весь пропитан солнцем — веснушки на носу поблекли, щеки и шея шоколадного цвета. Выгорели, стали ржаными волосы, слиняла голубизна глаз. Одет он в модные шорты, и они подчеркивают сильную гибкость хорошо тренированных ног. Ходит он много; Джакарту знает не хуже родного Лейдена. Как-никак в Индонезии он десять лет. Анри порывист в разговоре и в движениях. Он заговорил со мной сам, и мы быстро познакомились. А потом так же резко замолчал. Сосредоточенно начал крутить ручку транзистора.

Сентиментальные мелодии плывут по комнате, но Анри, видимо, ищет что-то другое. И продолжает путешествие по эфиру.

Наш отель, как океанский лайнер, брызгает в ночь тысячами огней, врывается в тишину улицы сотнями полупроводниковых глоток, всасывает в утробы холодильных установок парной воздух экватора, а неутомимые «эйр кондишн» разгоняют его по номерам желанной прохладой.

А за окном, в черном, словно вакса, небе — узенький, опрокинутый серп луны, крупные звезды пристально разглядывают ночной город, слушают его усталое, тяжелое дыхание.

Только что мы смотрели на дневную Джакарту. Город-парк изнывал от душного зноя, его черепичные крыши прятались в спасительную тень пальмовых зарослей. Лениво ползли по размягченному асфальту автомобили, на стоянках пестрели сотни колясок велорикш — «бечаков», зазывно кричали черноглазые мальчишки, торговавшие всякой всячиной. Резкие сирены автомобилей, звонки бечаков, певучая скороговорка торговцев, шипение мяса «сатэ» на жаровнях, отрывистые сигналы «оплетов» — семиместных автобусов — все это сливалось в невообразимую какофонию звуков, оглушающих и чарующих, надоедливых и привлекательных.

За какие-то десять минут тропическая ночь властно задернула шторы. Шесть часов вечера — извечная, не меняющаяся здесь, в тропиках, граница дня и ночи.

Я отхожу от окна. Анри нашел, наконец, нужную волну и теперь, закрыв глаза, слушает. Озорная песня ворвалась в номер. Сегодня я ее уже слышал. Индонезийские студенты, сдав экзамены, распевали ее около университета. Вся она построена на импровизации, в ней только припев постоянный. Один начал зазорный куплет, все подхватили, следующий «певец» остроумно отпарировал, и опять все подхватывают бодрый, всех примиряющий припев.

— Люблю эту песенку, — Анри улыбается и решительно предлагает: — Хотите, расскажу, как сын голландского буржуа узнавал эту страну?

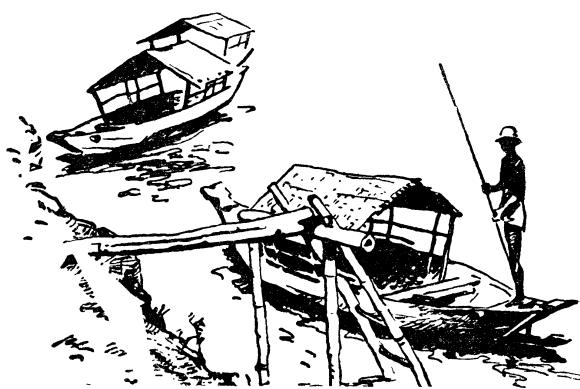
Он быстро заговорил, порывисто шагая по номеру, точь-в-точь как в первые минуты нашего знакомства.

— Дома много говорили об этой стране. Мне она грезилась землей обетованной. Об этом твердили в университете, постоянно говорил отец. Жили мы богато. Я был членом клуба «Три сердца», клуба для привилегированных. Вечерами пропадал там.

Мы все тогда были влюблены в Сюзи. Красивая такая блондинка. Голосом прокурненным, осилшим она не то пела, не то рассказывала о райской жизни на островах. О том, как в поселках с красивыми названиями «кампонги» живут индонезийские Сарины и

Кромы, о том, что их дни текут в мечтательной лени и любовной неге. Песенка вскоре стала модной, она гуляла по ночным кабаре, ее насвистывали студенты.

А однажды в университете наш профессор, ужасный педант, вдруг преподнес нам сенсацию. Он подсчитал, что индонезиец получает калорий значительно мень-

Река Поронг в окрестностях Сурабаи.

ше, чем мои земляки — голландцы. Подсчитал, а потом перетрусил. Впрочем, он быстро нашелся. Взял да «научно» истолковал собственные подсчеты. Дескать, индонезиец ростом пониже, он худощав, весит немного, да и жарко там, на экваторе. А раз так, то индонезийцу требуется меньше пищи, нечего беспокоиться — все правильно.

Песенка Сюзи и статистика профессора вдруг столкнулись. Мне хотелось во всем разобраться самому. И как только появилась возможность, махнул сюда. Думал, пробуду недолго, а вот уже работаю тут десять лет.

Анри надолго замолкает, не спеша раскуривает толстую индонезийскую сигарету «крэтек». Слышится легкий треск, по комнате плывет запах сладкого пирога: в этот табак добавляют гвоздику. Мы дружно закашлились. Анри разогнал клубы дыма.

— Все пересказать трудно. Я кое-что записал. Если хотите, почитайте. Правда, все это десятилетней давности...

Вот эти краткие записи:

«10 сентября. Черепица и пальмы, бассейны и лачуги. Какой калейдоскоп красок! Щедрость природы удивительна: Джакарта, город асфальта и автомобилей, буквально затоплена зеленью. Душно: по Фаренгейту доходит до девяноста. Жара бы еще ничего, но влажность! Будто мокрая вата облепила твоё тело — влажное, расслабленное. Принял первый «душ». Купание здесь — по-индонезийски «манди» — это обливание водой из черпака.

Очень оживленное движение на улицах, регулиров-